

18+

Мария Ксандер

Порев:
тайна
Маньчжунер

Мария Ксандер

Торев: тайна Маньпупунер

«Издательские решения»

Ксандер М.

Торев: тайна Маньпупунер / М. Ксандер — «Издательские решения»,

Плато Маньпупунер... Гигантские каменные останцы высятся там, словно застывшие исполины. У подножия священной горы Ялпинг-ньер живёт легенда народа манси про красавицу Айюм и грозного великана Торева. О битве, когда Хрустальный замок рухнул, а его осколки стали горным хрусталём. Книга погружает в мир уральских легенд, где миф переплетается с явью, а горы хранят вековые тайны. Хотите услышать шёпот Урала? Откройте эту книгу.

© Ксандер М.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Торев: тайна Маньпупунер

Мария Ксандер

© Мария Ксандер, 2026

ISBN 978-5-0070-5381-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Ксандер

Торев: тайна Маньпупунер.

Введение

Москва, 2013 год.

Стеллажи библиотеки высились недостижимыми вершинами. Желтый свет большой запыленной люстры тускло освещал пустой читальный зал. За окнами стояла типично осенняя погода, холодная и дождливая. Природа неумолимо напоминала о предстоящей зиме, сокращая и без того короткие дни. Мрачные тучи и пронизывающий ветер гнали москвичей в укрытие тепла и света. Прочь с улиц, где в дневные часы непогоды стояли сумерки. Несмотря на ненастье, библиотека была пуста. Лишь один незадачливый читатель, скромно сгорбившись в темном углу, ворчливо копался в огромном количестве книг, да старая служительница, которая то и дело поправляла сползающие с носа круглые очки.

Вошедшая посетительница задержалась при входе, окинув недоверчивым взглядом читальный зал, но затем, сжимая полученную книгу, прошла к свободному столу. Открыв книгу, она восторженно улыбнулась.

Мань-пупу-ньёр.

Останцы поражали разум даже на фотографиях.

«Уникальное чудо природы — настоящий затерянный мир среди лесов, болот и гор, связано с множеством легенд. Там нет дорог — плато окружает труднопроходимая тайга, и в радиусе более 100 км нет ни одного населенного пункта. Великолепные виды девственной природы, не тронутые рукой человека. Древние манси обожествляли столбы Маньпупунер — сюда приходили только шаманы, чтобы подкрепиться магической силой...»

Да, таинственность и непостижимость древней тайны манила женский ум с невероятной силой. Элла вновь погрузилась в чтение.

«...Спрятанное от чужих глаз в самой глубине Северного Урала плато Маньпупунер возвышается над уровнем моря на 700 м, окружено хвойными лесами болотами и горами, через которые трудно пробраться. Люди здесь почти не бывают. На этом самом месте в древние времена нашли свой приют кочевые племена манси, которые назвали плато Маньпупунер, что переводится как „Малая гора идолов“. Гиганты из камня, удивительные творения природы, молчаливо хранящие свои тысячелетние тайны. Самый маленький из них возвышается до 22 метров...»

— Творения природы! — неожиданный голос прервал ее неторопливое чтение. Хотя, скорее всего, ее больше привлек язвительно-презрительный тон говорившего. Элла подняла голову и увидела, как нахал, позволил себе не только отвлечь ее от чтения своим глупым высказыванием, но и облокотиться на ее стол. Элла огляделась в поисках спасения, но не нашла ни служительницу, ни того посетителя в углу. Что ж, придется самой избавляться от неприятного типа. Хотя, неприятным было только его замечание, а внешность мужчины очень даже располагала — высокий широкоплечий, с копной светлых волос. Понятно, мысленно вздохнула Элла, зашел сюда погоду переждать. Значит, можно не отвечать — надоест и сам уйдет. Но мужчина не ушел, напротив, как только девушка неопределенно передернув плечами, вновь углубилась в чтение, стремительно вырвал книгу у нее из-под носа.

— Что вы себе позволяете?! — возмущенно вскочила на ноги Элла.

— К чему вам читать неправдоподобные рассказы?

— Не ваше дело! — огрызнулась девушка. — Не мешайте. Отдайте книгу и отойдите!

— Почему вас интересует плато Маньпупунер? — тихо спросил незнакомец, нахально осматривая тоненькую фигурку.

— Необычно и интересно. — стандартно ответила Элла. — Отдайте книгу.

— Интересно... там нет ничего интересного, — грустно усмехнулся мужчина. — Лишь пара легенд, да останцы.

— Вполне достаточно для любознательного человека.

— Тут вы ошибаетесь, милая леди, для изучения древних тайн мало лишь знать историю да быть не в меру любопытным.

— Что же еще необходимо на ваш взгляд? — ехидно спросила Элла, выхватывая книгу.

— Нужно не бояться столкнуться с тайной лицом к лицу.

— Что же в этом такого страшного?

— Само ее раскрытие. Истина, скрытая от остальных. Не думаете же вы, что завесу сделали на приятные события? Нет, за каждой тайной стоит боль, кровь и страх. Нужно иметь много смелости столкнуться с ними. Поверьте, я знаю, о чем говорю.

Незнакомец заинтересовал Эллу. Она не могла точно сказать, что ее больше поразило — то ли его презрительно-насмешливый тон, то ли ощущение, что он не далек от правды, то ли, то, что он так нахально разглядывал ее.

— Вы так уверенно говорите... даже не знаю, что можно возразить. Позвольте мне все-таки вернуться к моим книгам, мне хочется дочитать.

— А почему вы не воспользуетесь Интернетом?

— Я... я несколько старомодна. Извините, но я хочу почитать. Одна.

— Если вы действительно хотите узнать про плато Маньпупунер, то, пожалуй, я смогу вам помочь.

— Интересно чем, кроме долгожданной тишины, вы мне можете?

— Расскажу вам правду о плато. Хотите?

Что-то в его голосе дрогнуло и заставило Эллу поежиться.

— Х-хочу. — отчего-то заикнулась девушка.

Странно сверкнув глазами, молодой человек, присел возле Эллы и, внимательно посмотрев на нее, вдруг улыбнулся.

— История, которую я вам расскажу, проста и трагична. Единственное о чем можно сожалеть, только о том, что все произошло на самом деле. *«...Много лет назад, когда мир был еще не так стар, ночь привычно меняла сумерки. Но в тот миг, когда началась эта история, кое-кто из небесных светил вышел на сумеречный небосклон раньше положенного. Итак, желтый диск луны освещал своим холодным светом высокую вершину горы, скрытую от любопытных глаз непроходимыми буреломами, раскидистыми деревьями и вечной тайной царящего в округе мрака...»*

Глава 1

...Желтый диск луны освещал своим холодным светом высокую вершину горы, скрытую от любопытных глаз непроходимыми буреломами, раскидистыми деревьями и вечной тайной царящего в округе мрака. Со своей высоты Луна равнодушно взирала на раскинувшиеся перед ней просторы, но ее безразличие было таким призрачным и обманчивым, как и даримый ею свет. Ледяному спокойствию пришел мгновенный конец, едва холодный свет встретился с дерзким, пылающим от внутреннего огня, взглядом. Луна встрепенулась и замерла в ошарашивающей необъяснимости действия. И она не ошиблась. Пробежавшая искра окрасила бледно-желтый диск оранжевой бурей, а последующее вслед тяжелое длительное молчание и вовсе заволокло ее темной краснотой. Кровавая луна уже не светила холодным светом, она поглощала разум и требовала полного подчинения своей необузданной силе.

Кровь, жертвы, вопли ужаса... Да! Вот к чему был ее тайный призыв! Страсть, похоть, смех... Полная власть желания и борьбы. Падение запретов и показ истинной сути. Луна требовала полностью перестать контролировать себя, отдаться ее власти. Она жаждала повелевать. Дикое неистовство, скрытое призрачным льдом! Бешеный танец страсти продолжался, раскаляя и без того красную Луну, внезапно она остановила свой пляс и непонимающе уставилась в такие сильные звериные глаза. Ярость, власть, невероятная сила, страсть, ум спокойно взирали на древний танец небесной гостьи.

Дуновение ветерка... и через пару мгновений округу вновь озаряет привычный и уже не такой мрачный, холодный свет бледно-желтого диска луны...

Главный помощник шамана, Хант, был одет как истинный представитель вогулов в короткие меховые штаны, рубаху из льна, поверх всего этого была накинута длинная шуба, сшитая из зимних оленьих шкур. Рубаха была подпоясана кожаным поясом, украшенным костяными накладками. К поясу был подвешен нож в ножнах и множественные клыки медведя — для предохранения от несчастий. Несмотря на то, что погода стояла солнечная и радовала жителей поселения последними теплыми днями, Хант все же был одет по-зимнему. Так, помимо шубы, на голове у него располагалась шапка из овечьих шкуры, из-под которой торчали две косы, концы которых были соединены жгутом с костями. В ушах Хант носил длинные серьги, которые были предметом зависти всех местных красавиц.

Не поднимая головы, Хант терпеливо ждал своего часа. Его голова изнывала от жары, пот капельками струился по его морщинистому, но молодому лицу. Предмет ожидания не спешил почтить его своим присутствием, что уже являло собой верх неприличия. Но тут тяжелые суконные отрезы приподнялись, и из показавшегося прохода появилась она, Айюм.

Высокая для вогулов, чернобровая, невероятно привлекательная, статная девушка. Ее раскосые глаза слегка насмешливо глядели на этот мир, но их невероятная синева притягивала и не отпускала. Одежда Айюм состояла из длинного синего платья, распашного суконного халата, отделанного мехом, и большого количества украшений. Прислужница несла позади роскошную сахи, белого цвета. Подол и полосы шубы выделялись полосками черно-подпалого меха и украшены мозаичным орнаментом. Роскошные черные косы, доходившие девушке до колен, были покрыты зеленым платком, по краю которого шла ярко-оранжевая бахрома из ниток. В сами косы были искусно вплетены многочисленные украшения из бисера и костяные подвески.

Но Хант равнодушно оглядел Айюм.

— Прикрой лицо, синеокая, — молвил помощник шамана.

Не произнося ни слова, девушка подняла полы платка и закрепила их сбоку.

— Каков твой ответ, Айюм? — снова холодно произнес Хант.

Но девушка не спешила отвечать. Напротив, она медленно прошла вперед и, сдернув полы платка, прикрывающее лицо, властно произнесла:

— Передай шаману, вот дождусь брата и дам ответ в канун праздника.

Хант плотно сжал узкие губы, сдержано поклонился и вышел. В его душе клокотала ярость. Девчонка совсем отбилась от рук! Как вождь позволяет ей вести себя так вызывающе? Идя к срубному дому с земляной крышей, Хант вспомнил рассказы, как еще недавно все племя радовалось рождению Айюм. Девочка была долгожданным ребенком вождя Куущая и его престальной жены Вечи. Кто ж знал, что красота Айюм станет их проклятием? Хант остановился и перевел взгляд в чернеющие дали леса. Один знал. Шаман. За три дня до рождения Айюм, прежний шаман ушел в лес, а придя, сказал вождю:

— Дочь твоя погубит нас, Куущай. Духи велют отдать ее медведю.

— Ты из ума выжил?! — вскричал тогда вождь. — Совсем сдурел? Уходи прочь, шаман Вырдый! Прочь!!

Так новым шаманом стал его наставник Ныршар — старый, вечно недовольный, лохматый, но знающий свое дело. В юрте нового шамана было много даров, в том числе мехов и шкур убитых животных. Особо его чтили за дружбу с добрыми духами, жившими на священной горе Ялпинг-Ньер. Ныршар свято чтит их помощь и дважды в год приносил богатые жертвы в их честь. Вот и теперь еще не упал первый снег, а шаман уже начал готовиться к Медвежьему празднику. И первое, о чем обеспокоился Ныршар — обещание Айюм выбрать себе мужа. Уже три праздника прошло, а девчонка, хохоча и смеясь, отвергала лучших охотников племени. Духи гневались и давали мало рыбы и дичи. Все это сильно тревожило шамана. До праздника осталось совсем немного и скоро в самом центре долины Ыджид-Ляги соберется все племя вогулов.

Хант торопливо вошел в избу. Шаман сидел возле очага и курил длинную трубку — подарок одного странника. Клубы серо-зеленого дыма поднимались вверх и смешивались с языками пламени, создавая причудливые фигурки. Запах можжевельника и чего-то очень кислого разливался по жилищу вместе с сине-зеленым дымом.

— Что сказала? — не поворачивая головы, произнес шаман.

— Дождется Пыгрычума и даст ответ в праздник. — глухо передал ответ Хант.

Шаман вынул трубку изо рта, долго смотрел на огонь, затем встал и тихо произнес:

— Ее судьба решена.

Глава 2

В самом начале зимы, едва медведь заляжет в берлогу, вогулы начинали свою охоту. Но в этот год снег никак не хотел ложиться на измотанную непогодой землю. Едва на небе собирались снежные тучи, готовые опрокинуть белое покрывало, как словно по чьему-то указу выступало яркое солнце и разгоняло непрошенных гостей. День сменялся ночью, не приносявшей облегчения, ибо на темном лике горела яркая луна. Последнее очень тревожило стариков-охотников. Они считали, что такая луна дурной знак для предстоящей охоты, но их страхи лишь раззадоривали молодых. Однако, несмотря на свою бравладу, даже молодые и сильные вогулы боялись лишний раз пройти мимо избы Нырщара. Шаман ходил мрачнее темной ночи. Ни с кем не разговаривал, а если кого и удостоивал своего внимания, так то были олени или собаки. На Хрустальный замок он вообще не смотрел, а если все же тот попадался ему на глаза, то шаман смачно плевал в его сторону. Слухи о таком неподобающем поведении шамана дошли до вождя и тот велел старику явиться. Нырщар пришел в избу вождя в сопровождении Ханта и пяти собак, которым он завязал глаза. Лохматый, в огромной меховой шапке и длинном меховом лузане, этаким шубе без рукавов, он предстал перед Куушачем.

— Говори, шаман, — произнес вождь. — Правда ли что я слышал о тебе?

Шаман хитро прищурился и поглядел на Куушача.

— Ветры носят всякое.

— Так вот они донесли, что ты не чтишь замок моей Айюм, так ли это?

— Так.

— Почему?

— Наши реки пусты. Звери разбегаются от нас в лесах. Запасов на зиму мало. Женщины перестали рожать. Духи отвернулись от нас, вождь, и в этом виновата Айюм.

— Знаешь ли ты, шаман, что стало с твоим предшественником?

— Знаю.

— Так не повторяй его ошибок, Нырщар! — вскричал вождь.

— Успокойся, отец своей дочери! — поднял руку шаман и вождь смиренно сел на шкуру. — Пошли все вон! — крикнул шаман и те немногие, кто был в избе, спешно покинули ее, ибо еще не видели Нырщара в таком гневе. Когда они остались вдвоем, шаман подошел и сел рядом с вождем. Сняв огромную шапку, Нырщар достал из-под лузана свою трубку.

— Ты сам знаешь, что я прав, Куушач. — раскурив темно-синий порошок, пробормотал шаман.

Вождь хмуно смотрел на него.

— Твоя Айюм старшая из твоих детей. Ей надобно выйти замуж, негоже оставаться в таком возрасте неприкаянной. Какой пример она подает остальным?

— Неволить ее не дам! — упрямо покачал головой вождь.

— Далеко за хребет разнеслась весть о красоте твоей юной Айюм. Вождь, она стройна, как сосна, выросшая в густом лесу, а как хорошо поет твое дитя? Послушать её сбегаются олени из долины Ыджид-Ляги и духи леса танцуют под ее голос.

— Зачем ты все это говоришь? — прищурился Куушач.

— Многие шаманы хотели, чтобы Айюм стала их женой, но вот уже несколько праздников твоя дочь только смеется в ответ. Так нельзя. К тому же, не забывай Куушач, что дети твои рождены по воле духов горы Ялпинг-Ньер.

Шаман отметил, как при этих словах побледнел вождь. Куушач помнил, как его Веци в течение долгих лет не могла подарить ему ни сына, ни дочь. И только когда шаман Вырдый принес в жертву огромного медведя на горе Ялпинг-Ньер, обагренные его кровью духи смиловались и Веци родила вначале дочь, а вслед и сына. Но больше детей у Куушача не было.

Именно духи велели построить сказочный Хрустальный замок на вершине горы Торре-Порре-Из, поднявшей свои грозные утёсы недалеко от горы Ялпинг-Ньер. И именно духи предсказали, что первенцу вождя уготована медвежья судьба.

— Давай посмотрим и с другой стороны. — продолжил шаман. — Твой сын Пыгрычум достиг возраста, когда должно состояться его посвящение в охотники. Именно в этот праздник мы ждем его с победой. Что будет, если он не вернется с охоты?

Страх во встрепенувшихся раскосых глазах вождя, снова принес удовлетворение шаману. Все идет по плану.

— Что ты предлагаешь, Нырцар? — тяжело вздохнув, прошептал Кууцай.

— Моя задумка страшна, но то единственный выход. Заставь свою дочь силой...

Слова шамана были прерваны внезапным громким собачьим лаем. Шаман и вождь обеспокоенно переглянулись. Так лаяли собаки только на чужака. Неужто кто-то пробрался в деревню? Спустя миг в избу заглянул молодой охотник Уляк. Виновато пряча глаза, он поклонился:

— Извини, вождь, но там... с охоты вернулся твой сын Пыгрычум.

— И что? — напряженно спросил Кууцай.

— Он не один. Там... девушка. Там... нужен шаман Нырцар...

Уляк снова поклонился и покинул избу, а шаман неторопливо затушил трубку, нахлобучил шапку и встал.

— Мы не договорили, Нырцар.

— Поздно болтать, чую, беда опередила.

С этими словами шаман торопливо вышел прочь, оставив задумчивого Кууца в больших сомнениях. На выходе Нырцара уже ожидал верный Хант.

— Там девушку привезли. Говорят, с медведем повстречалась. Чужестранка. — торопливо объяснил ситуацию помощник.

Смачно плюнув в сторону Хрустального замка, Нырцар нахмурился. Встреча с медведем? Чужая? Недовольно пробормотав проклятие, он пошел к саям, возле которых собралось уже довольно много людей.

— А ну, прочь!! — фыркнул шаман и толпа предпочла спешно разойтись в стороны. У саней остался лишь стройный юноша, в дорогой яркой одежде.

— Наконец-то, шаман Нырцар! — вскричал юноша, завидев лохматого старца. — Дело плохо!

— И тебе доброго дня, Пыгрычум. — поклонился шаман. — Дай взглянуть на чужестранку.

Открывшееся очень не понравилось шаману. На саях, закутанная в шубу лежала тоненькая девушка. Ее золотые волосы были обгарены кровью. Наикрасивейшее когда-то лицо теперь украшала страшная рана от когтей. Сквозь порванную одежду виднелись жуткие раны, говорившие о яростной борьбе с диким зверем. Но не это опечалило шамана, он увидел ее безвольно свисающую руку и в ужасе прикрыл глаза. На запястье виднелся слишком знакомый ему знак. Он оказался прав, беда не пришла, а ворвалась к ним. Внезапно. Яростно. Гневно.

Глава 3

Девушка поправлялась быстро. Даже слишком быстро, по мнению Нырщара. Вопреки обычаю он забрал ее себе в избу и запретил приближаться к своему жилищу всякому, кому дорога жизнь. Четыре дня он не выходил из избы. Жители деревни отмечали лишь странный разноцветный дым, устремляющийся в смеющиеся небеса. Четыре дня шаман, посредством Ханта, запрашивал у охотников свежую кровь любой дичи, пойманной в окрестностях долины. И наконец, он принес в жертву одну из своих собак.

К четвертому дню интерес племени к девушке пропал, гораздо больше их стало волновать красавица Айюм, которой вздумалось отправиться на лесную опушку и петь для духов. Новое увлечение взбалмошной дочери вождя расценивалось племенем как дурь незамужней бабы, но об том предпочиталось не говорить, а молчать, лишь по вечерам старики недовольно качали головой, глядя на высокий Хрустальный замок. Женщины старались шить новые одежды, мужчины готовились к предстоящей большой охоте, а старики собирали вокруг себя детей и рассказывали им сказания предков, обучая обычаям вогулов.

Такое затишье прервалось на пятый день после привоза чужестранки. Утром, когда солнце еще только показало свой первый лучик, дверь избы Нырщара распахнулась и на пороге показалась тоненькая призрачная фигурка чужестранки.

— А у вас здесь тихо! — громко рассеялась она, оглядывая окрестности.

— Мы не тревожим духов. — недовольно прошипел шаман, грубо проталкивая девушку вперед.

— Но-но, полегче! — властно загорелись ее зеленые глаза.

— Оденься лучше! — шаман кинул ей один из своих лузанов. Девушка снова рассмеялась и, накинув на себя шубу, проговорила:

— Где мне взглянуть на себя?

Шаман сжался внутри, как он боялся этой просьбы! Уродующие шрамы на таком ангельском лице поистине жуткое зрелище, но как отказать ей? Он угрюмо кивнул на таз с дождевой водой, стоящий позади девушки. Та неспешно подошла к воде и, пробормотав древние как мир слова, взмахнула рукой. Вода из таза поднялась и превратилась в зеркало, едва взглянув в которое чужестранка издала жутчайший вопль и упала без чувств. Смачно сплюнув в сторону Хрустального замка, Нырщар кликнул Ханта и они вдвоем отнесли девушку обратно в избу. Немного погодя, когда шаман влил ей в рот какую-то воду, девушка забылась сном, а Нырщар сел к очагу.

— Подойти, Хант. — позвал он помощника.

— Слушаю тебя, шаман. — склонил тот голову.

— Будет у меня к тебе одно дело. Важное. Исполнить надобно точь в точь, как велю, иначе не избежать нам беды.

— Все исполню, как велишь.

— Не зарекайся. — шаман выпустил колечко желтого дыма. — Есть в горах Хараиз род великанов-самоедов. Слыхал о таких?

— Дед рассказывал, что они враги наши.

— Враги... — рассмеялся шаман. — Нет, нет... Они особые дети Земли и Луны.

— Как так?

— Вот так. — кивнул шаман. — Они очень могучие воины, Хант. Сильные, смелые, умные. Так вот, тебе надо будет доставить им весть от меня. Но только чтобы ни один из вогулов не знал об этом!

— Почему?

— Глупый вопрос, Хант! — рассердился шаман. — Слушай и запоминай. Недалеко от долины Ыджид-Ляги есть маленькая полянка, скрытая густым ельником. Там, возле самой старой ели ты оставишь вот это.

Шаман показал Ханту уйлагыл.

— Так это же фигурка, что охотники вырезаются на дереве у места добычи зверя! — воскликнул Хант, разглядывая искусно сделанный силуэт медведя с когтистыми лапами, короткими ушами, широкой мордой и хвостом. Над фигурой было вырезано шесть зарубок. Хант непонимающе взглянул на уйлагыл, обычно количество верхних зарубок говорит о том, сколько было охотников, зарубки внизу под фигурой — столько было собак. Здесь же были лишь верхние зарубки.

— Все верно, Хант. — неторопливо выпустил облако уже красного дыма Нырщар. — Вот тебе и катпос.

Шаман занес руку над фигуркой, и ту окутало красным дымом, когда тот рассеялся, Хант с удивлением увидел, как на самой фигуре образовался «катпос» — знак руки шамана.

— Зачем? Ведь по катпосу все узнают, что это вы.

— Мне то и надо. Не спрашивай меня более, Хант! — сердито прикрикнул шаман. — Сделаешь, что велю, буду считать тебя храбрецом.

— Все исполню. — кивнул помощник и встал, собираясь уходить.

— Погоди... — остановил его шаман. — На, возьми!

Нырщар протянул Ханту маленький холщовый мешочек.

— Оставишь рядом с уйлагылом. И вот еще что, тебе надобно вернуться до сумерек, Хант.

Кивнув, помощник скрылся за дверью, оставив старика в обществе спящей девушки и клубах странного желто-красного дыма.

Глава 4

Воротившись в свою избу, Хант погасил очаг. Перспектива идти одному в лес не радовала, но в то же время нельзя не выполнить поручение шамана. Взяв нож и лук, Хант уже собрался было покинуть избу, как дверь неожиданно распахнулась и вошел Пыгрычум.

— Доброго дня, Хант. — приветствовал его сын вождя, по-хозяйски садясь на расстеленную шкуру. — Я к тебе за вестями. Как девушка?

— Лучше. — кивнул Хант.

— Нет, меня не устраивает такой ответ. Как она?

— Я не знахарь, смелый Пыгрычум, тебе надобно шамана спросить.

— Ты же знаешь, что все без толку! Он молчит!

Хант вздохнул:

— Мне жаль, но я не могу говорить то, чего не знаю. Она жива. Выходила из избы.

— Уже?! — вскричал Пыгрычум. — Я хочу ее видеть!

— Нельзя тебе нарушать волю шамана.

— Я думал, что мы друзья, Хант. — разочарованно проговорил Пыгрычум.

— Друзья. — кивнул помощник шамана. — Поэтому постарайся держаться от чужестранки как можно дальше. Шаман не жалуется.

— Отчего?

— Не знаю, он мне не говорит.

— Он тебя запугал, Хант! — сын вождя посмотрел на него. — Что с тобой? Ты изменился.

— Мир меняется, а я лишь дым среди небес.

— Ты уже совсем окурился от его трубки! Что ты несешь?!

— Мне пора идти, Пыгрычум, вернусь, тогда и поговорим.

Сын вождя встал и перед тем, как выйти из избы, внимательно посмотрел прямо в раскосые глаза Ханта:

— Твоя сила зависит от меня.

Дождавшись, когда Пыгрычум отойдет как можно дальше от его избы, Хант торопливо покинул свою избу, устремившись за пределы деревни вогулов.

Пыгрычум же отправился к жилищу шамана. Трижды кликнув хозяина, он нетерпеливо переместился с ноги на ногу. Лохматая голова в огромной меховой шапке недовольно выглянула из-за двери, вскоре показался и сам Ныршар.

— Чего тебе, Пыгрычум?

— Как дела у девушки?

— Узнаешь в свое время.

— Мне надо знать сейчас. Таково мое право. Она — моя добыча!

— Дождись вечера, — только и сказал шаман, обернувшись и смачно плюнув в сторону Хрустального замка, он скрылся за дверью.

К вечеру ветер усилился. Верхушки сосен громко шумели и было что-то тревожное в создаваемом ими шуме. Ветер дул холодный, тонкие облака тянулись по всему небу. Вскоре стал накрапывать мелкий дождик. Шаман обеспокоенно смотрел в сторону хмурого мокрого леса. Ханта все еще не было. Ветер порывами налетал на деревья, пролетал между избами и раздосадованно возвращался на небо. Туман опустился плотным сизым покрывалом, унося непогоду и призывая духов к молчанию. Сумерки несли за собой следы древних тайн, кои старики рассказывали лишь шепотом. Сквозь такое замкнутое затишье не проносится ни одна весть, ни одна живая душа, все вязнет и застревает здесь, как в болоте.

— Давай, иди к огню, шаман! — раздался участливый голос. Нырцар что-то пробормотал, но обернулся к свету. Возле огня возникла одна из причин его беспокойства.

— Давай познакомимся, шаман Нырцар. — сверкнули глаза духа.

— Знаю, кто ты. — прошипел сквозь зубы старик.

— Ну, тогда, верно, мне должно отблагодарить тебя? — насмешливо спросил дух.

— Не меня. — Лохмы Нырцара вдруг заплелись в аккуратные косички. — Такое зло по моей воле не должно быть здесь.

— Ты все такой же, шаман! — расхохотался дух. — Спротивляешься!

— Дураков благодари, что еще не перевелись в деревне. — Нырцар забормотал древние слова и косички снова приняли вид лохматых косм.

— Ты боишься меня? — дух проигнорировал сарказм старика.

— Зачем ты здесь? Ты принесешь беду вогулам.

— Как знать, Нырцар, может напротив, я помогу тебе. — хитро сверкнул глазами дух.
— Только не мешай мне! Иначе век тебе стоять с заплетенными волосами!...

Туман рассеялся и на шамана упали холодные капли дождя. Ветер привычно свистел в вышине свою заунывную песню, зовя долгожданную зиму. Природа застыла в своем темном мире, духи кружили где-то небесах. Лишь старый шаман Нырцар все тревожнее вглядывался в сторону леса, затем вздохнув, он вернулся в избу.

Глава 5

— Ты показал себя хорошим сыном, но ты не можешь огорчать мать. Что ты станешь делать один? Но тебе нельзя жениться раньше сестры, а она... сам знаешь.

Пыгрычум слышал сей разговор не впервые, поэтому научился терпеливо дослушивать отца, не перебивая, не возражая, а лишь изредка согласно кивая головой. Его мысли последние дни витали лишь возле избы шамана. Там находилась девушка, поразившая его своей красотой. Его не волновали даже ее ужасающие шрамы, которые останутся на ее прекрасном лице до конца. Его сводили с ума ее золотые волосы, ее тонкая талия, длинные, как у оленя ноги.

— Тогда дай мне самому найти себе жену, и моя мать снова станет весела.

Вождь Куушай потер рукой подбородок и задумчиво произнес:

— Нельзя нарушать наши традиции. Ты мой наследник, сын. Тебе надобно больше других чтить их. Порой это нелегко, но такого бремя власти. В этот год надо решить вопрос с сестрой, но не могу представить себе женщины, которая более чем Айюм не хотела бы выйти замуж.

— Если ты одобришь мой выбор, то я знаю способ, как заставить сестру изменить свое мнение. — сказал юноша.

— Хорошо. — согласно кивнул вождь. — Говори, а я обещаю обдумать твоё предложение.

— У шамана находится девушка. Вели доставить ее сюда, в замок. Мы приставим ее к Айюм и попросим уговорить непокорную. Девушка красива, уже одно это не порадует сестру, ведь она привыкла считаться самой прекрасной. Возможно, это подтолкнет Айюм к соперничеству, в котором сестра проиграет.

— Ты так уверен. А что если нет? — прищурился Куушай. — Если все пойдет не так?

— Что мы теряем? Все останется по-прежнему. Тогда на празднике ты отдашь Айюм замуж за лучшего охотника.

— Неволить ее не хочу.

— Ты и так дал ей слишком много времени на раздумья, отец. Теперь она может спровоцировать наших недругов, выставив тебя слабаком.

Куушай крепко задумался. Как случилось, что даже его родной сын говорит такие страшные вещи? Может действительно он дал дочери слишком большую волю? Но на ум могучего Куушайя сразу приходило воспоминание о маленьком комочке, завернутом в мягкую шкуру. Вот, через какое-то время маленькие ручки крепко обхватывают его шею и Айюм, хохоча от радости, звонко целует отца в щеку. Ах, дочка! Но время идет, Айюм выросла. Да и он уже не так могуч, с кем она останется? Как жить будет? Зря все считали, что он не понимает. Все верно ему говорят. Верно, но неволить ее он не хотел. Видел, как живут те, кого принудили выйти замуж или жениться против их воли. Не хотел Куушай такой судьбы для своей красавицы-дочери.

Дождавшись, когда сын уйдет к охотникам, Куушай велел привести ему шамана. Ныршар явился в своем привычном виде. Вождь решил не тянуть с расспросами.

— Пыгрычум сказал, что больная девушка выздоровела. Так ли это?

— Так, — кивнул шаман.

— Как такое возможно? Мне сказали, медведь сильно порвал ее.

Ныршар с трудом сглотнул:

— Всякое имеет место быть. Непростые то были раны. Не наша она.

— Откуда ты можешь знать об этом? — слова вождя словно острый меч резали слух старика.

— Метка на ней есть. Самоедская метка. Не так просто ее порвали — видать было за что.

— Самоеды? — напрягся Куушай. — Ты ничего не путаешь?
Старик покачал головой.

— Хм, она что-нибудь говорила? — вождь потер подбородок.

Шаман снова покачал головой. Вождь закурил свою трубку и пригласил Ныршара присесть рядом.

— Вели отвезти ее обратно в лес. — тихо произнес шаман, едва присев.

— Объясни, отчего ты так говоришь?

— Неужели ты, Куушай, не понимаешь, что такая находка к несчастью! Оставишь ее здесь — в муках умрешь ты и все твои дети! Если тебе дорога жизнь — верни ее медведю!

Вождь внимательно посмотрел на косматого старика. Затем усмехнулся и сказал:

— Нет, не отдам я ее в лес. Ее нашел мой сын, ему и решать. Да и с чего нам их бояться? Самоеды вряд ли будут битвой пойдут за ту, что на смерть отдали.

— Не пойдут, ежели она обычная женщина. А если она злыдня, способная не пощадить себя, то тогда она всё сделает, чтобы помочь медведю одержать победу над тобой!

— Ты опять мне сказки рассказывать будешь? — Куушай недовольно повел плечами. — Сколько лет прошло, а ты все веришь в небылицы!

— Не слушаешь ты меня, Куушай! — покачал головой шаман. — И тогда никого не слушал. Ту медведицу нельзя было трогать, но ты горяч был. Такую беду навлек на нас.

— Где беда твоя? Уж дети мои родились и выросли, а беда твоя так и не пришла. Довольно мне сказки про самоедов говаривать. Девушку доставь сюда, прислужницей к Айюм пойдет. А ты собак лечи. Да к празднику готовься.

Три дня минуло, как Кассари, так назвалась чужестранка, появилась в покоях Хрустального замка. Жуткие раны огнем горели на ее некогда прелестном личике, но девушка едва вступив в замок, взяла синий платок и замотала на голове так, что видны были лишь ее большие печальные глаза. Пыгрычум всячески пытался заговорить с нею, но Кассари молчала. Только он на нее взор бросит — уходит. От ее равнодушия Пыгрычум совсем голову потерял, что не могло не расстраивать Куушай. Айюм же напротив рада была девушке. С ней Кассари не притворялась онемевшей рыбой, а вела длинные разговоры. К удивлению Айюм девушка полностью разделяла ее мнение о замужестве. Могла Кассари говорить и о запретной для Айюм теме — о любви. Еще больше прислужница очаровала Айюм своими рассказами о былом, сказками и случаями.

На седьмой день пребывания Кассари в Хрустальном замке, Айюм ухватила ее за руку и усадила с собой на оленью шубу.

— Поговори со мной. Расскажи мне новую историю. — попросила она девушку.

— Хорошо. — кивнула Кассари, после долгой паузы. — Слушайте, госпожа. В далёкие, далёкие времена в густых лесах, подступивших к самым высоким горам, жило могущественное племя самоедов. Мужчины племени были так высоки и сильны, что один на один побеждали медведя, и так быстры, что легко могли догнать бегущего оленя. В юртах было много мехов и шкур убитых животных. Из них женщины шили красивые меховые одежды. Однажды возгордились они и устроили большой праздник, с огнями, танцами, плясками. Вышла к ним ведьма местного болота и приказала прекратить веселье — дети ее спать не могут. Лишь рассмеялись самоеды и еще громче гулять стали. Три раза выходила к ним ведьма, но они вновь и вновь прогоняли ее, а под конец и побили. Вот лежит она вся в крови, в канаве и вдруг воздела руки к Луне и воззвала она духов. Просила, чтоб помогли ей и отомстили самоедам за такое непочтение, чтоб раз они хотят веселиться, так пусть каждый месяц пляски с Луной танцуют. Пусть их жажда будет неутолимой, пусть сводит их с ума, пусть они захлебнуться в крови!

Кассари сделала паузу и с удовлетворением заметила, как Айюм прижала к груди руки.

— Ночь та быстро прошла, раны ведьмы давно зажили. С тех самых пор в заветную ночь племя то превращается не то в людей, не то в медведей, не то в волков, не то в тигров. Но

именно с тех пор в лесу стали находить разорванных людей и животных. Страшно, но говорят, красивы оборотни. Глаз нельзя отвести. Особо красив вожак — Торев. Не просто красив, он умен и знатен. Все оборотни готовы служить ему. Говорят его даже Луна победить не в силах.

— Какая сказка красивая.

— Да. — вздохнула Кассари. — Вот бы встретить такого, как Торев. За такого и замуж можно выйти.

— За оборотня? — рассмеялась Айюм. — С ума сошла? Лучше его шкуру на полу расстелить. Вот за охотника, что ее достанет — можно.

Кассари улыбнулась и поднялась.

— Ах, не слушайте меня, госпожа. Сказки все это. Мне их бабка сказывала, когда я спать не ложилась. Еще она меня предупреждала, чтоб я в лес одна не ходила, не послушалась. Видите, что случилось. Нет, сказки ограждают нас от дурных дел. Лучше лишний раз шаману поклоняйтесь, духи все видят.

— Интересная ты, Кассари. — проговорила Айюм. — Брату моему нравишься.

— Не смогу я ответить на его чувства. — опустила голову Кассари. — В своем краю любимого оставила.

— А где край твой?

— За горами. — уклончиво ответила Кассари. — Но я одна живу. Зверей много лечу. Знахарка я.

— Значит, ты собак наших вылечить можешь? — отчего-то спросила Айюм. — Моя Пандка третий день больна. Стонет, лежит, издохнет скоро. Так шаман говорит.

Кассари повела плечом.

— Отчего не помочь. Ночь наступит, отведите меня к собаке.

С этими словами она торопливо вышла, оставив Айюм одну. Недолго девушка сидела без дела, подошла она к санквылтапу. Этот пятиструнный инструмент достался ей в подарок от одного охотника, что сватался к ней. Сделан он был из кедра и осины, поэтому звучал особенно. Айюм легко перебрала тонкие ноты и вдруг запела.

Звуки ее дивной песни вырвались за пределы Хрустального замка и достигли ушей шамана. Скрючившись, он закурил свою трубку. Темные красновато-желтые клубы, пахнущие хвоей, закружились вокруг его косм, взлохматили непокорные седые волосы и проникли в нутро старика, уводя вслед за собой в тайный неподвластный мир духов.

Глава 6

Солнце уже не раз вставало и обаграло своим светом высокую вековую ель. Ее раскидистые лапы величаво осматривали окрестности, пушась и делясь своим могуществом. Сколько всего перевидала она за свою долгую жизнь! Скольким помогла, кого от беды спасла, кого от хвори. А сколько тайн прошло мимо ее острых иголок. Жаль только, что не всегда хорошие то тайны, но такова жизнь. Сурова, как и весь здешний край. Вот и сейчас, уже больше двух дней прячется на ней один человек. Скинуть бы его, да жаль — пропадет, а так пока копошится, да боится. Ель грозно шумела ветвями — мешать начнешь — скину. Но человек и не собирался причинять ей вред. Он боялся, ибо видел в лесу чудо, настолько поразившее его, что слезть с красавицы-ели он теперь сам не мог. Он бы там и дальше сидел, если б от голода его сознание не улетело в дальние выси, а сам бы он не полетел вниз.

Очнувшись, незадачливый обитатель ели встретился с парой блестящих чёрных глаз на загорелом молодом лице. Инстинктивно сжавшись, Хант, а это был именно он, хотел отступить, но то было невозможно — так как лежа на спине можно лишь попытаться уползти, но сил от голода не было. Зато даже сквозь уплывающее сознание Хант чувствовал, что перед ним стоит некто, по-видимому, охотник, незыблемый и действующий успокаивающе. Охотник выглядел необычно. Он был намного выше всех, кого когда-либо видел Хант. Помимо роста, охотник был крайне красив и из-под его шапки торчали светлые вихры волос, что тоже крайне поразило Ханта. Охотник опирался на здоровую дубину, служащую ему каким-то шестом и Хант с завистью отметил безупречность гордой осанки, которая подчеркивала изумительно сложенную фигуру. Вокруг мужчины создавалось ощущение необыкновенного спокойствия и надежности. Поддавшись навязчивому ощущению и немного успокоившись, Хант пошевелился. Заметив признаки проявившийся жизни, охотник внимательно посмотрел на Ханта.

— Есть хочешь? — глубокий ровный голос прорезал тишину леса.

Хант что-то промычал в ответ. Усмехнувшись, охотник достал кусок какого-то мяса и протянул несчастному помощнику шамана. Чувствуя неловкость, но вместе с тем и дичайший голод, Хант набросился на мясо, раздирая его зубами. Наконец, когда первое чувство было удовлетворено, и к Ханту стала возвращаться жизнь, он заметил неподалеку костер, от которого веяло теплом и то, что он сам лежит не на сырой холодной земле, а на теплой шкуре. Все это время охотник с любопытством рассматривал Ханта, не произнося ни звука.

— Ты кто? — наконец спросил он.

— Х... хант я.

— Часто ты Хант на елках сидишь?

— Н..нет... я... — помощник шамана осекся, вспомнив о цели своего похода. — Так вышло. Зверей боюсь.

К удивлению Ханта, охотник не рассмеялся, улыбка лишь слегка коснулась краешков его губ.

— Ты собираешься убить меня после того... после того, этого...

Охотник покачал головой.

— Твоя смерть не входит в мои планы.

— А ты кто? — осмелился задать вопрос Хант, успокоенный таким ответом.

— Мое имя Рэльф. — ответил мужчина и поворошил шестом костер.

— Необычное имя. Ты не местный?

— Странник. Брожу везде. Есть еще хочешь?

Хант кивнул и получил еще одну порцию мяса.

— Скажи, как ты очутился в этих краях? — Охотник с интересом смотрел на него. — Ты разве не слышал о том, что здесь очень опасно?

— Слышал. — жуя мягкое мясо, пробормотал Хант. — Но я впервые так далеко от деревни отошел. Я не охотник. Вот они везде ходят. Они смелые.

— Да, смелые. — кивнул Рэльф. — Так зачем ты шел?

Охотник так спокойно посмотрел прямо в глаза Ханту, что тот, растерявшись, моргнул.

— Сам не знаю. Велено было передать...

— Передал?

Охотник всмотрелся в сидящего перед ним вогула. Молодой, с непокорными волосами, аккуратно заплетенными в две косички, раскосые глаза и упрямый нос. Дрожит от страха, но ест. Зачем его послали на верную смерть?

— Оставить-оставил, а взяли или нет? Откуда мне знать? — вновь пожал плечами Хант, снова дивясь своей разговорчивости.

— Верно. — Охотник взглянул на небо. — Ладно, солнце встало, тебе в путь обратный надобно идти.

— Пора бы. — вздохнул Хант и поежился, представив себе обратную дорогу. Охотник учуял его страх, покачал головой и предложил:

— Немного провожу, до окраины ельника. Далее сам пойдешь, там зверя отродясь не было.

Собрались быстро. Ветер поднимался все сильнее, заметно холодало. Рэльф затушил костер.

— Пойдем быстро. Не отставай и не оборачивайся, если хочешь остаться в живых.

С таким напутствием они двинулись сквозь ельник. Хант еле поспевал за высоким, но оказавшимся очень ловким Рэльфом. Ноги, казалось, сами несли его вперед. И Хант старался поспевать, но жуть как хотелось обернуться и посмотреть на могучую ель, что приютила его-горемыку на столько дней. Не удержавшись, Хант обернулся и... потерял Рэльфа из виду. Начав судорожно оглядываться, молодой вогул схватился за ближайшие ветки. Какой позор для его деревни! Узнают — на смех поднимут. Если узнают...

Хруст... Что это?!! Хант вдруг услышал легкий треск за спиной. Неожиданно раздался пронзительный вороний крик и, прямо перед вогулом зашуршав черными крыльями, вверх устремились две огромные вороны. И повисла странная гнетущая тишина. Сердце Ханта с новой силой заколотилось в груди. Неожиданно, он поддался внутреннему порыву и побежал. Бежал быстро, в голове стучало одно — вперед, вперед! Хант слышал, как сзади нарастал треск, разлетаются под ногами сухие ветви и сучья. Он знал, что тот, кто бежит следом не проиграет, и непременно догонит его, ибо то его стихия, его жизнь, его жажда и он ни за что не отпустит жертву. Вдруг Хант понял, что треска и погони больше нет, не веря своему счастью, он остановился и обернулся. Никого. Тишина, словно пеленой накрыла лес.

Трак!!

Молниеносный удар и тело молодого помощника шаман делает резкий рывок вперед, не успевая остановиться. В тот же самый миг спину прошибает страшная обжигающая боль и Хант почувствовал, как его рубаха обагрилась кровью. Скольжение по шуршащим листьям, вниз и вниз, перерастает в полет. Отрывает от склона, бросает вверх и вперед. Тщетно пальцы пытаются ухватиться за что-то, тело сопротивляется, но не может ничем помочь. Шорох, шелест, комья земли, мешаясь с кучками уже сухих листьев, ветками, камнями скатываются по склону вместе с ним. Краткий миг скольжения кубарем и вот он уже лежит на сырой земле, лицом в какой-то жиже. Зачем-то перевернувшись на спину, Хант всхлипнул от ужаса, так как внутри все сжалось, разлетелось в стороны и сдавило железной хваткой горло.

Тигр.

Взгляд человека столкнулся с взглядом зверя. Страх, боль и дрожь против ледяной уверенности, злобы и неотвратимости. Молодой помощник шамана, испуганный и одинокий, так

мало повидавший в жизни и огромный белоснежный тигр, такой страшный, такой свирепый, учуявший запах свежей крови.

Зверь повел головой, поведя чутким носом, тут же он уловил страх, пот, желание жить... Ханту показалось, что он разглядел злую усмешку в таких больших звериных глазах и им снова с еще более утроенной силой овладел страх близкой смерти. Неотвратимый и догоняющий. Все? Неужели все? Липкими дорожками пот катился по рваной спине Ханта, по бокам, по животу, груди. От отчаяния, слабости и жуткого осознания своего конца на раскосых глазах выступили слезы. Тигр оскалился, немного ослабил хватку и...

Шаги были не слышны. Мягкие сапоги остановились около его уха. Зажмурившийся Хант не сразу осознал, что произошло. Слегка приоткрыв правый глаз, он в немом ужасе наблюдал, как замер тигр. Как не сводил своего бешеного взгляда с огромного высокого человека. Между ними словно шел разговор. Неожиданно зверь легко спрыгнул с Ханта, послушно отошел в сторону, а затем и вовсе бесшумно растворился в лесной чаще!

Закрыв глаз, Хант снова зажмурился. Он решился открыть глаза, лишь ощутив легкое постукивание по щекам. Помощник шамана был настолько шокирован, что смог подняться только с помощью протянутой руки Рэльфа.

— Я просил не останавливаться.

— Не смог... ааа..! — вогул скрючился от боли.

— Снимай тряпки! — отдал кроткий приказ Рэльф.

Хант ответил ему недоверчивым взглядом, но сказать ничего не успел. Охотник сам разорвал лохмотья и мрачно осмотрел спину. Затем покачал головой и проговорил:

— Пойдешь со мной.

— Н... но мне надо...

— Не дойдешь. — безжалостно покачал головой Рэльф. — Тем более, что ваш шаман вряд ли справится с твоими ранами.

Боль обожгла вогула с новой силой. Странно, но сознание не покинуло Ханта и ему пришлось прочувствовать всю глубину своих ран. Сделав первый шаг, он понял, что идти ему придется очень долго. Видно Рэльф тоже разделял его мнение, так как, скинув с себя теплый палантин, бросил его на землю:

— Ложись.

— Зачем?

Покачивая головой, Рэльф с сожалением посмотрел на упряма, еле стоящего на ногах и истекающего кровью. Стремительный разворот корпуса и последнее, что заметил Хант, было нечто мощное, летевшее прямо на него. В то же мгновение кулак охотника врезался помощнику шамана в челюсть, отбросив того на несколько метров и унеся в безмятежие глубокого обморока.

Глава 7

Дернувшаяся пелена и легкий туман — вот и все, что возвестило Ханту о его возврате в бренный мир. Яркий свет заставил его вновь зажмуриться, и появившаяся боль в левом углу челюсти возвестила о новом синяке. Но свет проникал в него всего, легко обходя преграды, залезая под ресницы, щекоча нос. Не выдерживая такой пытки, помощник шамана вдруг услышал негромкие мужские голоса:

— Сильный парень. — говорил один из них. — Такие раны, а он жив.

— Не успею я и он был бы уже мертв. — Этот голос был хорошо знаком Ханту. — Вытащишь?

— А чего ж не вытащить? — даже не открывая глаз, Хант знал, что собеседник Рэльфа ухмыльнулся. — Твое дело велеть, а наше выполнять, хотя помнится и не таких вытаскивали. Вот только, что он делал на нашей территории?

— Его привел я, — поступил хладнокровный ответ и вогула прошиб пот. — Он не так прост, как кажется, верно ведь, Хант?

Последнее было сказано прямо над ухом вогула.

— Открывай глаза! — потребовал Рэльф. — Мы знаем, что ты очнулся.

Вогул послушно дернул веками.

— Ты оставил уйлагыл с катпосом Нырщара. — продолжал охотник. — С такими вещами шаман не отправит простого парня из деревни. Он доверяет тебе, раз посылает на верную смерть.

— П..поч..чему на смерть? — пролепетал Хант.

Рэльф отвернулся.

— Сдается мне, ты и понятия не имеешь, куда попал. — Рэльф прислонился к высокой белой стене. — Что ты знаешь о самоедах, Хант?

От неожиданности вогул сел.

— Шаман рассказывал, что в горах Хараиз есть род великанов-самоедов. Говорил, что они особые дети Земли и Луны, очень могучие воины.

Наступила тишина. Двое мужчин внимательно рассматривали юного вогула. На их хладнокровных лицах не было и намек на усмешку, лишь кое-где пробежала легкая грусть.

— А знаешь ли ты, Хант, — молвил, наконец, Рэльф, — отчего Нырщар считает самоедов особыми детьми Луны?

— Ну, рассказывают многое...

Снова длительное молчание было прервано, но уже не Рэльфом, а другим могучим человеком с рыжими волосами.

— Бедняга, ты понимаешь, что можешь никогда более не возвратиться к своему народу? Ты до конца своих дней будешь лишь вспоминать свою прежнюю жизнь и сожалеть о прошлом?

— Я не боюсь смерти! — отважно воскликнул вогул, не до конца понимая мужчин.

— Ты не прав, Хант. — возразил ему усмехнувшийся рыжеволосый. — Ее боятся все, даже те, кто обречен жить вечно.

— Не понимаю о чем вы, но я обязан вам жизнью.

Снова молчание и грусть проникли в большое светлое помещение. Рыжеволосый покачал головой.

— Что ж, ты привел его Рэльф, тебе и говорить.

Охотник посмотрел на Ханта, что можно сказать, если бедняга оказался игрушкой в странной игре предрассудков и истины? Сжалившись, Рэльф произнес:

— Много лет тому назад существовало племя, то, про которое тебе рассказывали старики — самоедов, особых детей Луны. Они жили не только в горах Хараиз, но и в других местах. У

племени был магический талисман — тутупаг, изображающий смерть Луны. Самоеды считали, что если тутупаг пропадет, то и они пропадут. Как-то оборотни встретили молодого местного жителя, избитого и привязанного к той самой ели, где тебя и нашли. Вожак самоедов призвал своего лекаря оказать помощь мужчине. Мужчину вылечили, как ты понимаешь, им и был твой шаман Нырцар. В одно дождливое утро в хижину вожака постучалась девушка. Милая, красивая... — мужчина немного помолчал. — Очень красивая, выяснилось, что она колдунья. Вождь наш один, а она хотела заставить его уверовать, что сердце оборотня может биться не только при виде смерти, но и в любви. Отказал ей вождь, а пожалел девушку твой шаман. Она его отблагодарила, научила как с помощью трав в мир духов попадать. Вскоре в племени пропал тутупаг и начались смерти. Вместе с тутупагом пропала и сестра вожака. Ее искали везде, нигде не нашли. Даже думали, что она к бывшему возлюбленному убежала, но и там ее следов не было. Прожив какое-то время в племени, Нырцар тоже ушел обратно, пообещав отплатить за проявленную к нему доброту. Затем пропала и колдунья. Ну, а судя по тебе и доставленному тобой посланию — отплатил.

Теперь настала очередь Ханта потрясенно молчать. Он пытался осмыслить новую информацию и сопоставить с тем, что он знал.

— Значит, самоеды — оборотни? Поэтому они особые дети Луны? Что она делает с ними?

— Дождись полнолуния и узнаешь! — зловеще пообещал рыжеволосый.

— А где теперь украденный тутупаг?

— Неизвестно, — криво усмехнулся Рэльф. — Но с его пропажи самоеды начали испытывать все то, что происходит сейчас. У них больше нет амулета, защищающего их от Луны. А у вас нет защиты от Юмалы и болотной ведьмы.

— Значит ли это то, что вы хотите уничтожить нас?

— Зачем вы нам? — расхохотался рыжий громила. — Если только как еда... — но тут же получил увесистый тумак от Рэльфа. — Нет, Хант, мы другие. Нам надо просто найти тутупаг и мы возможно вовсе уйдем из этих мест. Трудно понять все, что происходит с нами, но возможно. Самое главное, что теперь ты должен уразуметь, что твой шаман Нырцар виновен во многих вещах, которые будут происходить с вогулами. Все смерти вашего племени будут на его совести.

Глава 8

Позднее солнце еще только поднималось над лениво вздыхающим осенним лесом, освещая верхушки деревьев, но прохладный ветер уже творил свое захватывающее дело, тепло было только там, в вышине непостижимых небес. Айюм сладко потянулась. Несмотря на вчерашнюю стычку с матерью и братом, ей не хотелось думать о плохом. Сегодня удача обязательно ей улыбнется. Прохладная вода смыла остатки сна и, одеваясь, Айюм напевала свою любимую песенку. Отчего-то именно сегодня, когда до праздника оставалось меньше трех недель, Айюм не хотелось готовиться. Ей хотелось петь, но не здесь. Красота Хрустального замка поражала ее с детства, но в нем она чувствовала себя пленницей, птицей, залетевшей в чудесную ловушку. Айюм подошла к окну, там занимался рассвет. Прозрачное и светлое утро влекло девушку прочь из замка, прочь из племени! Туда, где звуки ее песен будут отражаться среди деревьев, туда, где темная гладь холодной воды будет покрываться мелкой рябью, слышав ее голос.

Тихо выйдя из своей половины, Айюм засеменила к выходу. Пройдя мимо стражи, Айюм резко остановилась.

— Что-то вы рано... — голос Кассари заставил девушку вздрогнуть.

Айюм тихонько фыркнула.

— Хочу пройтись.

— Дочь вождя пойдет одна? — спросила Кассари.

— Да.

— Вождь будет недоволен. — зеленые глаза Кассари сузились.

— Жди здесь и не говори, что меня нет, — повторила Айюм.

— Холод и ветер возьмете в попутчики?

— Решу по пути. — твердо ответила Айюм и поправив изогнутый нож у пояса, вышла прочь.

Очутившись на улице, Айюм глубоко вздохнула. Несмотря на то, что эта осень была теплой и солнечной, природа намеревалась свое. Уже несколько дней среди маленьких домиков вогулов летал холодный, по-зимнему колючий ветер, из приносимых им свинцово-фиолетовых туч шел дождь. Айюм оглядела поселение, все тихо, только вдалеке из жилища шамана витиеватой ленточкой выплывал странный зеленоватый дымок, впрочем, такое разнообразие окрасок дыма никого не удивляло. Для шамана главное уметь общаться с Духами, просить у них пощады или смерти, охраны или напасти, а какой при этом идет дым — синий, красный или зеленый, никого не интересовало. Переведя взгляд с жилища Нырщара, девушка, низко приглубаясь, двинулась вдоль жилищ, ступая как учили — по-звериному легко и быстро. Неслышно вступив в лес, она еще раз втянула носом воздух, улыбнулась и побежала вперед и чуть в сторону, по знакомым признакам находя нужное ей направление.

Остановившись у ветвистым куста ивняка, Айюм прислушалась. Здесь, на значительном расстоянии от их племени, спокойную, торжественную тишину леса нарушало лишь шуршание облетевших листьев, желто-красным ковром лежащих теперь на пожухлой траве. В высоком, белесоватом небе неярко светит солнце. Его лучики озаряли верхушки деревьев, и несли добрую весть, что сегодняшней день пройдет под его покровительством.

Айюм продолжила свой путь, по ходу отмечая, что с наступлением холодов в лесу стало как-то сумрачнее, возможно от того, что лес поредел, и взгляд все чаще выхватывал зеленые, резко выделяющиеся на фоне голых берез, сосны. Чем дальше она уходила, тем все реже ей встречался бурелом и старые, поваленные ветром деревья. Листья толстым слоем, лежащие на земле медленно кружась, разлетались от нее и вновь ложились на землю, образуя замысловатый по красоте ковер.

Внезапно тишину прорезало громкое -ш-ш-у-р-р!!! и Айюм остановилась, как вкопанная, но тут она увидела как, шумно хлопая короткими крыльями, глухарь тяжело летел между деревьями и вскоре совсем скрылся из виду.

Тряхнув головой, девушка торопливо продолжила свой путь. Полянка, затерянная среди гор и леса, открылась сразу. Совершенно необычное место, словно специально созданное для любования изумительнейшим видом! Гряды гор, вытянувшиеся свои вершины к далёким небесам, просторы, сплошь покрытые желтой краской опавшей листвы и выделяющиеся чернотой белые березы и темно-зеленые разлапистые сосны и могучие ели. Немного ниже возле черных зарослей черемухи и ивы быстро журча, протекала маленькая речка — чистая, с холодной и прозрачной водой. Она, причудливо петляя, скрывалась вначале в черемуховых зарослях, затем весело убегала в горы.

Айюм застыла от первозданной красоты, проникающей в ее нутро, немного воздуха и она уже не чувствовала ни холода, ни ветра, полностью растворяясь среди этого великолепия.

Горы, луга, где растут травы и цветы, встречающиеся только в том месте... Айюм почувствовала как ее душа начала свое медленное парение прочь от реальности, в ней снова стали рождаться неведомые звуки и музыка. Да, вот ради этого она и пришла сюда, только здесь ее душа парит также высока как птица, а голос может отобразить музыку чистой первозданной красоты. Только здесь Айюм, дитя этих мест, могла ощутить себя частицей природы, среди которой она пыталась найти свое место.

Только здесь ее голос отличался непередаваемой дивностью, он звучал как ярко, красиво. Ее песнь была светлой, отражающей силу и мощь природы, благодарность за существование всего этого края.

Вдруг что-то заставило ее прекратить петь и обернуться. У самой воды, возле кустов черемухи, затаился человек в длинном сероватом плаще. Его лицо прикрывал странный капюшон. Человек словно закаменел. Он не двигался. И Айюм поняла, что он внимательно следил за ней. Айюм замерла. Тревога быстро сменилась страхом, который стал медленно заполнять ее тело, достигнув горла, он судорожно сжал его — даже при большом желании она не смогла бы произнести ни звука!

Человек же удовлетворенно вздохнул и его губы тронула улыбка. Она. Она здесь. Не зря он рыскал у реки, тайлся, выслеживал и ждал столько дней и ночей. Не разнимая губ, он быстро скользнул взглядом по гибкому и стройному телу женщины, по ее длинным черным волосам, слегка раскосым глазам, в которых затаился страх. Да, это она.

— Не бойся, — коротко сообщил мужчина. — Я не причиню тебе зла.

Его голос как-то странно подействовал на Айюм. Она не была даже уверена в том, что он вообще произнес что-то, но, тем не менее, страх стал постепенно отступать. Незнакомец верно почувствовал это и стал медленно приближаться к ней.

Айюм застыла, видя, как большая серая фигура неумолимо приближается к ней. Мгновение и их уже разделяла не больше птичьего пера. Неожиданно осмелев, Айюм подняла руку и сдернула с его головы капюшон.

В отличие от людей ее племени, мужчина был довольно высок, подтянут и непривычно широк в плечах. Его лицо дышало неестественной красотой, притягивало взгляд, заставляя поражаться утонченности черт, мощности и силе. А глаза... они озаряли Айюм своим каким-то явно нечеловеческим взглядом. В них застыла необъяснимая печаль и странное понимание, свойственное скорее бессмертным духам, нежели человеку. Его светлые волосы и вовсе делали его подобным незримым, как говорил шаман.

Вдруг Айюм сузила глаза и, казалось, насквозь прогля взглядом великана, стоящего перед ней.

— Кто ты? — резко спросила Айюм. — Говори.

— Странник.

— Говори свое имя, — велела Айюм.

— Имя мое Рэльф.

— Не наше имя.

— Родом я не из этих мест.

— Видно ты охотник. Чего тебе надо от меня, охотник Рэльф?

— Я много слышал о тебе и твоём племени, — сразу ответил мужчина.

— Чего же ты слышал?

— Про тебя. Про твои песни. Спой мне еще.

Айюм внимательно посмотрела в его бездонные глаза, но не спешила выполнять его просьбу, наоборот, она все больше убеждалась, что ей явился злой дух в таком притягательном образе.

— Мне уже пора.

— Спой и иди. — охотник поправил ее волосы, всколыхнувшиеся от ветра.

Его голос ласкал ее слух и Айюм подавила свой гнев.

— Охотник, убери от меня свои руки! — она резко дернулась. — Хорошо, я спою, но с одним условием. Ты должен уйти!

И она запела. Песнь уносила охотника в высокие бескрайние небеса, дарила нежность и надежду. Дивно и чудно лился ее голос. Она закрыла глаза и растворилась в своей песне.

Окончив петь Айюм притихла. Тишина. Она резко раскрыла глаза. Охотника не было. Как он мог уйти так незаметно? Ни хруста, ни шороха! девушке стало страшно. Удивляясь себе, Айюм растерянно оглядывалась, задавая себе один и тот вопрос — почему он послушался ее? Зачем?!

Много позже она шла, рассеянно рассматривая попадающиеся листья, и вслушивалась в тишину. Если бы не лес, не чаща, добежать до племени она могла бы довольно быстро, но в этот раз все было по-иному. Ей всюду чудились незаметно следящие за ней глаза.

Если бы она знала, что Рэльф, как истинный охотник, словно тень незаметно скользил рядом, с грустью вдыхая аромат кожи девушки и запоминая все трогательные детали в ее поведении.

А Айюм то и дело резко останавливалась, оглядывалась, ища глазами своего таинственного охотника и не находила. Грусть и что-то еще заполняло ее душу. Встряхнув головой, она в последний раз оглянулась и выскочила из леса.

Глава 9

Едва забрезжил рассвет, Пыгрычум встал и пошел к собакам, сегодня намечалась охота. К его немалому удивлению во дворе он увидел Кассари. Ее золотистые волосы развевались на ветру, подобно сотням лучей солнца. Почувствовав его присутствие, Кассари обернулась и моментально выпрямилась, посмотрев прямо в глаза Пыгрычуму. Тот обомлел — он никогда не видел еще такой красоты! Он даже не заметил, что ужасающие шрамы полностью исчезли, так, словно их никогда и не было. Он пожирал глазами бесподобное лицо, золотистые волосы и потрясающее тело, что было прикрыто лишь какой-то прозрачной тряпкой. Он оглядел девушку с ног до головы и отметил про себя, что никогда раньше не видел такой идеальной формы. Огромные зеленые глаза, длинные волосы, большая упругая грудь, тонкая талия и высокие ноги. Кровь моментально забродила в Пыгрычуме. Он уже не мог думать ни о чем, кроме Кассари. А та стыдливо опустив свою хорошенькую головку, неожиданно произнесла:

— Ваши собаки здоровы.

— Собаки?...

— Да, ваша сестра говорила, что они больны. Я их вылечила.

— Да...

— Мне холодно. Можно я пойду внутрь?

— Да... хотя, нет, подожди! — Пыгрычум вдруг схватил проходившую мимо девушку за руку. — Постой!

— Ваша сестра ушла в лес, одна. — холодно отчеканила Кассари. — Нужно сказать вождю Куушай.

— Не надо! — воскликнул вдруг Пыгрычум. — Я сам разберусь с Айюм.

Кассари внимательно посмотрела на него. Вожделение и страсть полностью захватили разум Пыгрычума. Выдернув руку, Кассари ничего не ответила и ушла.

Это же утро принесло новости и шаману Ныршару. Закурив ночью трубку, он пытался вызвать дух усопшего Ханта, но вместо того, пришел иной дух.

— Шаман, шаман... Опять ты мне мешаешь!

— Уйди, отродье зла!

— Ну, ну, полегче со словами, Ныршар. — дух явно злился.

— Но ты отродье зла! Ты опять принесешь беду!

— Нет, не я... — рассмеялся дух. — Куушай сам виноват, час расплаты близок... мне лишь нужно одно... помоги и я уйду!

— Такому злу нельзя помочь! — устало развел руками шаман. — Такое зло должно умереть!

— Ты дважды мог меня убить, Ныршар, но дважды спас. Почему?

— Глупый вопрос, — брезгливо поморщился шаман. — Такое отродье всегда перерождается, или ты думаешь, я не знаю, о том, что убить такое отродье может лишь оно само?

Дух расхохотался.

— А ты хитер, Ныршар... но тогда я тебя расстрою, ибо я не собираюсь умирать!!

Дух протяжно зашелестел и исчез среди клубов зеленого тумана. Выругавшись, Ныршар выглянул наружу и увидел детей вождя. Они всегда его раздражали. Шаман не мог понять Куушай, что он развил в своих детях? Что дал им? Тщеславие. А кто обратит их в традиции предков? Кто повернет их от самих себя в сторону Духов? Это должна была сделать мать. Ныршар поморщился. Давно он не был у Веци.

Ныршар хорошо помнил, как шаман Вырдый принес в жертву огромного медведя на горе Ялпинг-Ньер. Большой праздник был тогда. Но на ум Ныршара приходило и другое воспоминание. И эта страшная тайна, свершившаяся на вершине горы Ялпинг-Ньер, до сих пор бере-

дила его душу. Да, пожалуй, Вещи может помочь. Надо бы к ней сходить, но вначале надо отогнать Пыгрычума и Айюм от его избы. И шаман вышел наружу.

— Вы еще здесь?! — голос Нырщара, казалось, прогремел на все племя. Подойдя к беседующим, шаман грозно потряс кулаком. — Солнце высоко, зверь уже ушел! А вы все еще здесь! Духи проклянут вас!

Пыгрычум склонил голову в приветствии, и, махнув рукой своей группе, быстро скрылся в лесу. Его не тронули слова шамана. Пыгрычум был готов убить сегодня не одного, а великое множество медведей, ибо сегодня у него был самый радостный день в жизни — Кассари впервые заговорила с ним.

Глава 10

Шаман вернулся в хижину, когда уже разгорелся следующий полдень. Возле входа его уже поджидал Гур. Лицо охотника выглядело утомленным, глаза смотрели устало. Шаман чертыхнулся, предчувствуя неприятности.

— У меня дурные вести, шаман, — сказал Гур, — теперь у нас пропал Уляк. Вождь хочет, чтобы с нами на его поиски пошел сильный воин. Выбор пал на тебя.

Нырщар изумленно уставился на охотника:

— Ты тоже так считаешь?

— Конечно, — ответил Гур. — Духи слышат тебя.

Нырщар тихо вздохнул и уселся на сочную траву, скрестил ноги и знаком велел Гуру сесть рядом.

— Я сделал все, как велел вождь. — Нырщар пожал плечами, — теперь все зависит от Айюм. Не стоит искать тело Уляка. Не медведь это, а зло вошедшее к нам. Но ведь тебе это кажется совершенно бессмысленным, ведь так?

Гур недоуменно покачал головой: слова шамана поставили его в тупик.

— Ты не пойдешь?

— Пусть идет Пыгрычум. Он более меня достоин такой чести. Иди Гур, передай мои слова Куущаю.

Нырщар еще долго смотрел вслед охотнику, торопливо спешившего к вождю. Скоро прозвучал горн, собирающий охотников. Нырщар прикрыл глаза. Перед его разумом возник беспокойный дух.

— Достойно отказал, шаман! — прозвенело в голове Нырщара.

— Не тебе меня оценивать. — проворчал он зловредному духу.

— Они не верят твоим речам.

— Моя победа над тобой — вот лучшая награда.

— Победа?! — расхохотался дух. — Как только я найду спрятанное, меня никто не остановит!

— Сначала найди. — сверкнул шаман глазами и волосы его пришли в движение отгоняя непрошенное видение.

Весь день шаман провел, вызывая духов. Не найдя успеха в этом занятии, он отправился к вождю. Нырщар не оставлял надежды убедить его, избавиться от непрошенной гостии, по имени Кассари. Но вождь не слышал шамана, он был весь в предстоящей охоте, в волнениях о зиме и своем положении перед другими племенами. Вечером Нырщар долго не мог уснуть. Добрые духи, жившие на священной горе Ялпинг-Ньер, по крайней мере, те, кого он знал, давно покинули долину Ыджид-Ляги, забрав с собой все хорошее. Далеко за хребет разнеслась весть о красоте юной Айюм, что была стройна, как сосна, выросшая в густом лесу, а пела так хорошо, что послушать ее сбегались олени из долины... На этих мыслях вокруг головы шамана сгустился ядовито-синий дым очередного курева. Нырщар поежился, стоя на холодном ветру. Как так случилось, что он пропустил зло? Как не заметил его приближения? Единственный, кто мог понять его тревогу, была лишь жена вождя, Веци, но ее состояние внушало уже не опасения, а досаду. Мысли Нырщара перенеслись на много лет назад.

Красавица Веци в день свадьбы выглядела еще краше. Ее румянец живо играл на ее щеках. Вот к ней подходит молодой вождь. В его сильных руках роскошный голубой платок, которым он бережно укрывает свою молодую супругу, ибо замужняя женщина должна закрывать лицо платком от мужчин.

При всеобщем веселье и радости, Нырщар припоминал и другое. Его учитель, тогдашний шаман Вырдый, испытывал чувства далекие от праздника. Незадолго до свадьбы, шаман

проводил положенный обряд, и духи не одобрили выбор Куушайя. Вырдый и сам знал правду, красавица Веци происходила из пришлого рода вогулов, живших на той стороне долины. Ее родители никогда не ели мяса, только рыба. И Веци была воспитана также. Когда Куушай впервые обратил на нее внимание, она не выказала ни радости, ни счастья, ее волновала лишь одна вещь, сможет ли она после замужества вести привычный ей образ жизни, а именно посещать родителей, друзей, коих у нее было немало. Влюбленный вождь пообещал ей все, но, и это воспоминание вызвало горькую усмешку Нырщара, не выполнил ничего. Напротив, сразу после свадьбы он запретил ей покидать дом, зная, что жене нравятся олени, он полностью уничтожил пусас — загон для оленей. К основному жилищу любого дома вогулов пристроен маленький домик — манькол — женская изба, исполняющая роль родильного дома. Там же находятся женщины во время месячных. Именно манькол стал основным местом пребывания Веци — Куушайю безумно хотелось детей. Но Веци была грустна, несчастлива и... бесплодна!

Куушай злился, менял любовниц, те беременели от него, Вырдый избавлял их от нежелательного бремени, а законная супруга была пуста. После двух долгих лет вождь вызвал к себе шамана и потребовал законных детей от Веци.

— Делай что хочешь, Вырдый, но чтобы после Медвежьего праздника жена понесла!

— Полно тебе, Куушай, возьми другую, а Веци отправь родным.

— Не хочу другую женщину брать, пусть она родит!

— Веци надо начать радоваться, совсем она у тебя грустная!

— Женщина должна родить мне детей, а не веселиться. Взывай к духам, шаман!

— Духи молчат, вождь. Много раз я зывал к ним, но все бесполезно.

— Тогда зывай к другим, если они молчат!! Используй любые силы, но я должен стать отцом!!

Долго тогда шаман Вырдый ходил понурый. Долго он взирал то на небо, то на землю, и то и дело его взгляд останавливался на священной горе Ялпинг-ньер. Прошло еще несколько дней и шаман Вырдый, набрав необходимых трав, сказал тогда Нырщару:

— Добрые духи, жившие на священной горе Ялпинг-ньер еще на заре времен, молчат. Видно суждено мне идти против них, но то моя жизнь, мои грехи. Не повторяй моих ошибок Нырщар! Запомни, не к добру для вогулов рождение детей у Веци, не к добру!

Тогда Нырщар не поверил словам шамана. Зря. Зло вкралось и быстро, и незаметно, но главное, никто не сумел его предотвратить. Зло ищет спрятанное, шаман Нырщар тоже ищет спрятанное. Но где это спрятанное? Сколько лун прошло, сколько зим миновало, казалось, вся деревня уже перерыта, а спрятанного не нашли!

Шаман боялся, что зло, рыщущее и алчущее, найдет быстрее него, а это смерть всем. Смерть... Нырщар много сталкивался с нею. Сначала сам еле уцелел, затем старался из ее цепких лап вытаскивать каждого, кто имел несчастье столкнуться с ней на пути. В жилище шамана, отапливаемом и освещаемом чувалом — открытым очагом из жердей, обмазанных глиной — часто бывали и охотники, и звери разные, и детки. Всех лечил, всех хлебом угощал, что специально пекли в отдельных печах. Всех, кроме детей Веци. Они росли на редкость здоровые. А вот сама Веци угасала, как будто все детям отдала. Не любил их Нырщар, а Веци жалел. Бывало, зайдет он к ней и они долго-долго говорят о духах, о сомнениях, о смерти, о жизни, о небе, об оленях... и ей вроде как легче становится! Но появлялся либо вождь, либо вечно снующие высокомерные дети и Веци вновь замолкала, погружаясь в свой мир. Но Нырщару казалось, что он на верном пути! Именно Веци должна знать о спрятанном, она общается с духами не хуже него самого. Вот только как теперь к ней попасть? Куушай приставил к жене служанку, а зло было очень близко от Веци, ближе, чем кто-либо ожидал.

Погруженный в свои мысли шаман закрыл глаза и уснул. Но сон шамана был беспокойный, заставляя ворочаться и кряхтеть. Духи гор молчали, а иные, что заняли их место, требовали от шамана покорности. Едва верхушки высоченных сосен окрасились в ярко-розовые

цвета, как Ныршар, взяв с собой заботливо приготовленный сверток, уже шел вдоль деревенских юрт и покосившихся невысоких изб. Подойдя к Хрустальному замку, шаман выругался и плюнул в его сторону, затем, обойдя такое высокое для деревни сооружение, он направился прямо к шикарнейшей избе, расположенной позади замка. Возле манькола стояли охранники с собаками, но воспрепятствовать шаману племени вогулов не мог никто из них. Лохматый Ныршар дунул на них синим дымом, довольно отметил, как вся охрана матери матерей, вместе с собаками в считанные мгновения повалились в глубоком сне. Теперь вход в манькол был свободен и Ныршар быстро вошел внутрь.

Веци лежала, но не спала. Нерзу, завидев шамана, молча указала ему на опять не съеденную еду и очередные кровавые выделения, испачкавшие лежанку ее госпожи. Шаман кивнул и махнул рукой, заставляя служанку выйти. Потом он тихо подошел к Веци и ласково взял ее бледную руку. Заговорила Веци твердо и неторопливо:

— С чем пришел, шаман? Говори.

— Беда привела меня к тебе, — ответил Ныршар. — Пришел с миром и поклоном к тебе. Прими от меня отвар из листьев калины и мясо пойманной вчера рыбы. Пусть они укрепят твои силы, — Ныршар протянул ей ношу и склонил голову.

Речь шамана племени понравилась Веци и она охотно выпила принесенный отвар.

— Слышала, у тебя ученик пропал? — спросила она, протянув руку за вышивкой. — Говори, не бойся.

— Да, я послал Ханта с поручением, но он так и не вернулся. Вина на мне, Веци. — сразу ответил Ныршар.

Веци сузила глаза и, казалось, насквозь прожгла взглядом шамана, стоящего перед ней.

— Ты про эту беду говорил? — резко спросила она. — Говори.

— Нет, Веци, про другую. Зло пришло к нам.

— Торев вернулся!

— Возможно. — согласился с ней шаман и понизив голос, добавил:

— Надо убедить вождя отправить чужестранку обратно в лес!

— Девка, что нравится Пыгрычуму?

— Она самая.

— Мне нет дела до его жизни.

— А что если медведь вернулся за ней? — шаман совсем зашептал. — На ней отметины самоедов.

Веци испытующе смотрела на Ныршара.

— Скоро все кончится, шаман. Скоро вогулы заплатят за содеянное и ты не можешь этому помешать. Во время нынешнего торжества миролюбивые и скромные вогулы будут ходить и бегать, как ошалелые, с выпученными безумными глазами, с растрепанными волосами. Все заплатят за совершенное. И ты знаешь, что я права, — ее взгляд был тверд и разумен как никогда. — К великому несчастью лишь я знаю, как плачут и стонут от боли невидимые призраки, мучаются непогребенными. Они жаждут отмщения, шаман. А теперь уходи, шаман!

Веци хотелось не видеть и не слышать никого и ничего, ей дико хотелось остаться одной...

Внезапно она почувствовала на себе чей-то взгляд. Айюм посмотрела в сторону, у неё перехватило дыхание. Он пришел! Опять в длинном плаще, стоял на расстоянии протянутой руки. Она вдруг испугалась, почувствовав необъяснимую тревогу, но он прикоснулся указательным пальцем к своим губам.

Айюм застыла на месте, когда он медленно приблизился. Его взгляд сводил ее с ума,

— Я не причиню тебе вреда, — прошептал он.

Она медленно повернулась к нему лицом.

— Хотела бы я верить тебе, — она провела рукой по его лицу и вздохнула. Какое нечеловеческое, красивое и притягивающее взгляд лицо! Удивительная гармонию и непоколебимость. Кто же он?

— Мне стоило большого труда сбежать из деревни. — прошептала девушка. — У нас пропал мужчина. Утром обнаружили его разорванное в клочья тело. И охотники видели неподалеку следы медведя.

— Медведя? — взгляд мужчины посерьезнел. — Где же они видели его следы?

— Неподалеку от деревни, в сторону горы Ялпинг-Ньер.

— Следы были старые?

— Нет, свежие.

— Охотники видели, куда они ведут?

— Да, в сторону гор Хараиз... — Айюм удивленно посмотрела на мужчину. — Ты боишься или решил обогнать наших охотников и поймать злобного зверя?

Мужчина улыбнулся.

— Всякое может быть, но я пришел сюда не на медведей охотиться, а увидеть тебя, Айюм, полюбоваться твоей красотой и послушать твои дивные песни, — ответил он.

— Ты волшебник?

— С чего ты так решила?

— Мне становиться так хорошо от твоих слов, — прошептала девушка.

У Рэльфа во рту стало сухо.

— Нет, я не волшебник. — хрипло отозвался он.

— Тогда какой секрет ты скрываешь, охотник? — глаза Айюм горели синим светом, а рот соблазнительно улыбался.

Ее вопрос был встречен загадочной улыбкой.

— Если я тебе расскажу, это ведь больше не будет секретом, правда? — Рэльф вплотную подошёл к ней. Айюм распахнула свои глаза, а он напрягся от боли, которая пронзила его как от свежего ранения.

— Верь мне, Айюм. Когда всё закончится, мы пожмём плоды того, что происходит.

— Ты говоришь загадками, но мне нравится тебя слушать.

Айюм подняла голову, и встретила с парой блестящих чёрных глаз на загорелом лице. Она инстинктивно придвинулась и почувствовала, как он обнял ее. Ей стало так хорошо, она чувствовала себя в безопасности. Вдруг Рэльф нагнул голову и поцеловал ее. Айюм замерла, ощутив на своих губах нежность. Затем ее тело затрепетало в волнах восторга и страсти, и, осмелев, девушка ответила на поцелуй.

Немного позже они сидели на стволе упавшего дерева, смеялись и болтали. За временем, посвященным своим чувствам они не заметили, как лес стали опускаться сумерки.

— Тебе пора. — Рэльф легко дотронулся до ее носика.

— Как я не хочу уходить!

— Тебе надо идти, скоро полнолуние, Айюм.

— Что особенного в полной луне?!

— Нельзя искушать судьбу, милая. — грустно улыбнулся Рэльф. — Приходи через два дня. Я буду ждать тебя здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.